

В этом году исполняется 130 лет со дня рождения знаменитого русского советского скульптора Веры Игнатьевны Мухиной (1889–1953). Она создала ряд монументальных произведений, среди которых памятники Максиму Горькому: один на родине писателя в Нижнем Новгороде и два в Москве – у Института мировой литературы и у Белорусского вокзала; романтические памятники Галине Улановой на Новодевичьем кладбище и Петру Ильичу Чайковскому у Московской консерватории, скульптуру «Наука» у МГУ и многие другие.

Предлагали ей, признанному художнику, создать памятник Сталину. Вера Игнатьевна согласилась, но при условии, что ваять его скульптурное изображение она будет «только с натуры». Иосиф Виссарионович понял, что означало её условие, и не нашёл для этого времени. А самым известным у нас и во всём мире яв-

Вера Мухина

ляется её монумент «Рабочий и колхозница», – прежде всего, как эмблема киностудии «Мосфильм».

Этот грандиозный памятник был создан (архитектор Бориса Иофан) в 1937 г. к открытию в Париже Всемирной выставки. Доставили его туда в распиленном на 65 частей виде, в отдельном железнодорожном составе. Именно он должен был стать противовесом государственному орлу на стоявшем напротив высоченном павильоне Третьего рейха. Хищный германский орёл с воинственно приподнятыми крыльями, резко повернутой в сторону головой и белой свастикой в когтях, словно бы

собирается взлететь. И вскоре действительно взлетит, чтобы учинить на земле ад. Противостояли ему две величавые фигуры на советском павильоне – мужская и женская – в энергичной, летящей позе. Они решительно вскинули руки с молотом и серпом, а взгляды их устремились вперёд, в будущее, где совсем скоро их ждёт не только трудовая, но и военная жизнь. О том, что они в полёте, говорит и лёгкий, развевающийся шарфик колхозницы (кстати, его вес, 5,5 тонн!). В процессе работы над памятником Вере Игнатьевне настойчиво рекомендовали убрать шарфик, но она его отстояла.

Французская пресса высоко оценила эту скульптуру и назвала её «величайшим произведением XX века». После закрытия выставки монумент был возвращён в Москву. Правда, при демонтаже и транспортировке он серьёзно пострадал, и пришлось приложить немало усилий, чтобы его восстановить. Сначала предполагалось, что он будет водружён в Рыбинске, где украсит собой строящийся шлюз. Но, так как работы на гидроузле ещё не были завершены, его ровно 80 лет назад, в 1939-м году, установили в Москве к открытию Всесоюзной сельскохозяйственной выставки – ВСХВ (будущая ВДНХ). Это гигантское сооружение вместе с павильоном-постаментом имеет высоту 59 метров и весит 185 тонн...

* * *

Родилась Вера Игнатьевна в Риге Лифляндской губернии Российской империи в купеческой семье, вторая дочь Мухиных после старшей на два года сестры Маши. Их отец Игнатий Кузьмич был

богатым коммерсантом и благотворителем. Их мама – музыкально одарённая женщина – хорошо пела и рисовала, но, к несчастью, заболела туберкулёзом и ушла из жизни, когда Вере было всего два года. Отец, опасаясь, что у дочерей может быть наследственная предрасположенность к заболеванию, увёз их в Крым. Но и сам он пожил недолго. После его смерти состоятельные родственники забрали девочек в Курск, где Вера с отличием окончила гимназию. Заботливые родичи перевезли сестёр в Москву, как они шутили, «на поиски женихов».

Здесь пути сестёр разошлись. Маша любила праздники, балы, молодых людей. Вскоре она вышла замуж за иностранца и уехала в Будапешт. Вера увлеклась рисованием, училась в художественной студии Константина Юона и других известных живописцев. Однажды Юон дал ученикам задание нарисовать картину «сон». Вера представила свою работу, на которой был изображён уснувший у ворот дворник. Юон поморщился и сказал: «Нет воображения».

Она не обиделась. Она и сама чувствовала, что живопись не забирает её целиком, что остаётся ещё немалая часть её существа, которая принадлежит чему-то иному, более близкому. Тогда же ей посчастливилось познакомиться со скульптором Ниной Синицыной, и она стала частым гостем, а нередко и помощницей в её мастерской. И сразу поняла: это именно то, что неотделимо от неё, что живёт в её душе. Постепенно пришла уверенность, что всё складывается, как надо, что у неё есть любимое занятие, живи и радуйся жизни. Но тут девушку подстерегла беда...

На Рождество 1912 г. Вера из Москвы приехала в дядюшкино имение под Смоленском. Катаясь на санках с горки, она врезалась в дерево, и острым сучком ей отрубило нос. В Смоленске искусные доктора его пришили, но всё же потом понадобилось ещё множество пластических операций на родине и в Париже, чтобы восстановить лицо. Стало оно несколько крупнее прежнего, выглядело волевым, и как будто с мужскими чертами. Казалось бы, страшное несчастье, непоправимая невзгода. А Вера, когда ей сняли бинты после всех операций, посмотрела на себя в зеркало и сказала: «Ничего, живут и хуже».

В Париже она стала ученицей знаменитого французского скульптора Антуана Бурделя (1861–1929). Великий монументалист, он, как никто другой, владел искусством слова. Его понимание сути художественных произведений, мастерства гениальных скульпторов (он сам был учеником Огюста Родена)

открывали его питомцам тайны созидания, учили их не только ваять, но и мыслить.

1 июля 1914 г. в свой 25-й день рождения Вера возвратилась в Москву. А через две недели началась Первая мировая война. Нужно было что-то делать, как-то помогать Отечеству, и, нисколько не сомневаясь в своём выборе, она пришла в военный госпиталь и стала сестрой милосердия. Сюда же с фронта попал умирающий от тифа Алексей Замков, молодой врач, полковник, начальник госпиталей в армии генерала А. Брусилова. Дни и ночи она почти не отходила от его постели. И он пошёл на поправку. Это был статный, красивый мужчина, с волевым характером и нацеленностью на успешный труд в медицине. Ходила молва, что Константин Станиславский приглашал его на работу в театр, и уверял, что он может стать артистом. А Михаил Булгаков в своей повести «Собачье сердце» в роли профессора Филиппа Филипповича Преображенского изобразил не академика Ивана Петровича Павлова, а именно доктора Замкова.

Вера скоро почувствовала, что не может и минуты пробыть без него. Но признаться в любви мешала природная сдержанность и чувство неуверенности, что он ответит взаимностью. Кто знает, может быть, они бы и расстались, и пошли каждый своей дорогой. Но тут, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. В здание госпиталя попала бомба, взрывной волной Веру ударило о стену, и она потеряла сознание. А когда ей помогли прийти в себя, перед её глазами предстало лицо Алексея Замкова.

«— Выходит, я живая? — неуверенно спросила она. — Выходит, так, — сказал он. — А если бы не так, я бы тоже умер».

Это было признание, и вскоре они обвенчались.

* * *

После Революции и Гражданской войны Алексей Андреевич Замков стал успешным доктором, практикуя в своей квартире, в Москве. Он и жену убедил вернуться к оставленному из-за войны художественному труду. В 1920 году у них родился сын Всеволод (в будущем физик, профессор, зав кафедрой Ленинградского медицинского института).

В конце 1920-х гг. Алексей Андреевич работал лаборантом в Государственном институте экспериментальной биологии, занимаясь одним из древнейших способов лечения — уринотерапией. А в 1929-м он создал препарат *гравидан*, основанный на элемен-

тах мочи беременных женщин (от лат. «gravida» – беременность). Новое средство, испытанное на мышах, положительно сказывалось на лечении брюшного и сыпного тифа, действовало как болеутоляющее, способствовало нормализации артериального давления. Оно помогало в терапии многих мужских болезней, повышении потенции, а также победительно действовало в борьбе с алкоголизмом и наркоманией. Гравидан применялся в излечении 30 тысяч больных, в том числе красноармейцев, и в 80% показал положительный результат. Считалось даже, что этот «эликсир бессмертия» нередко приводит к омоложению организма.

Однако уже через год Замкова укоряют в «целительстве», прекращают работы по препарату и увольняют из института экспериментальной биологии. Ошеломлённый вопиющей несправедливостью, Замков не мог смириться и, чтобы продолжить исследовательскую деятельность, попытался вместе с семьёй покинуть страну. Но был задержан, обвинён в попытке продажи своего изобретения за границу и осуждён на 3 года административной ссылки – уголовного наказания, при котором осуждённый высылается в окраинные районы с конфискацией имущества. Вера Игнатьевна уехала в ссылку с ним и с маленьким сыном.

Но тут, как это иногда бывает, явился добрый ангел в образе Максима Горького – его Замков лечил в 20-е гг. – и протянул крыло помощи. Писатель довёл до высшего руководства страны сведения о предвзято осуждённом докторе. Кто знает, может быть, ещё и поэтому Вера Игнатьевна из чувства благодарности создала три монумента писателю и памятник его сыну Максиму Пешкову.

Замкова досрочно освободили, перевезли в Москву, предоставили квартиру взамен конфискованной и тут же назначили директором специально созданной лаборатории урогравиданотерапии. Его пациентами были известные советские политики и деятели культуры: Куйбышев, Молотов, Калинин, Орджоникидзе, Будённый, Зорге, Мичурин, Горький... Применение первого в мире гормонального лекарства считалось настолько перспективным, что в 1933 году был создан Государственный институт урогравиданотерапии. Его директором стал Замков. Гравидан рекомендовали к промышленному производству. Им заинтересовались зарубежные врачи и больные. Но...

К несчастью, опять возникли завистники и недоброжелатели. Они обвинили его в «знахарстве и мошенничестве», вспомнили, что он был царским полковником, да и жена его в прошлом – купеческая дочь (все её пять Сталинских премий будут позже). К

тому же, в 1936 году ушёл из жизни его защитник и покровитель Максим Горький. И уже в 1938-м после целого ряда предвзятых комиссий институт был окончательно расформирован. Научная и медицинская деятельность Замкова подверглась жёсткой, часто необоснованной критике. Настоящую травлю врача организовала газета «Известия», публикуя о нём злобные, невежественные статьи. Его с семьёй сослали на Урал.

Веру Игнатъевну скоро вызвали в Москву, а Замков оставался там. Началась Великая Отечественная война. Он просился на фронт в качестве простого фельдшера, но ему отказали. Жене он писал письма, полные любви и сожалений, что лишён возможности «крепко её обнять, прижать к груди». Он перенёс инфаркт, через 4 года после второго – 25 октября 1942 г. в Москве, в возрасте 59 лет он скончался. Похоронили Алексея Андреевича на Новодевичьем кладбище. На могиле установили памятник, созданный женой Верой Мухиной. На белом мраморном надгробии его слова: «Для людей я сделал всё, что мог». Одиннадцать лет спустя здесь же будет похоронена Вера Игнатъевна и установлен её бюст, созданный ваятелем Н. Зеленской. На точно таком же надгробии слова: «И я тоже».

* * *

На протяжении всей своей многовековой истории люди задумывались о бессмертии. И не только задумывались, но многие зрелые умы упорно искали формулу вечной жизни. Однако также, как алхимики, никто из них не достиг положительного результата. Казалось бы, можно осознать и остановиться. И понять, какая катастрофа ждёт нашу планету, если она переполнится нами. Или что: человечество будет принуждено пойти на крайнюю меру и запретить появляться на свет новым поколениям?

Но благую мысль остановить нельзя. Учёные разных стран и теперь стараются найти средство, уж если не обессмертить, то хотя бы увеличить срок пребывания каждого из нас на земле. Да сопутствует им удача. Только лично я убеждён в том, что путь к бессмертию давно и навсегда открыт.

В шестидесятые годы прошлого века я жил в самом центре Ленинграда, на Пушкинской улице. Окна моей квартиры выходят на крохотный, уютный скверик (для местных жителей «ватрушка»). Здесь играют дети, на скамеечках сидят мамы, а в середине его стоит памятник Александру Сергеевичу Пушкину. Вот к нему подошли парень и девушка, оба чуть-чуть наклонили головы – по-

Портрет Веры Мухиной М. Нестерова

здоровались и тут же поцеловались. Постояли недолго, о чём-то разговаривая, и отправились дальше. С того самого дня и я, выходя на улицу или даже утром, остановившись у окна, стал приветствовать Поэта, и всякий раз мне казалось, что он мне отвечает...

Этот памятник Пушкину, первый в Петербурге, в 1880 г. сотворил именитый русский скульптор Александр Михайлович Опекушин (1838–1923). Поэт стоит со сложенными на груди руками, без головного убора, в коротком плаще, который подчёркивает изящество и лёгкость знаменитого образа. Лик поэта, его взгляд наводят на размышления о величии жизни, её красоте, а зачастую и её трагичности.

Есть и в других местах Петербурга памятники Поэту, открытые в разное время. В 1957 году в Ленинграде на площади Искусств был возведён величавый монумент скульптора Михаила Константиновича Аникушина. Подходя к нему или просто бывая рядом, я привычно здороваюсь и склоняю голову. И не могу скрыть улыбку, видя, как Поэт вдохновенным жестом руки показывает нам «героя нашего времени» Остапа Бендера – великий комбинатор стоит неподалёку вместе со своим заветным стулом.

Михаил Константинович создал бронзовый памятник и Вере Игнатьевне Мухиной. Он был открыт в Москве, в скверике Пречистенского переулочка в 1989 году к 100-летию со дня её рождения. Место его установки выбрано неслучайно. Здесь же дом, где она жила и в котором находилась её мастерская. Её дом – плод сотворчества самой Мухиной и знаменитого архитектора Ивана

М.К. Аникушин.
Памятник
Вере Мухиной.
1989, Москва

Жолтовского. Вера Игнатьевна изображена не в полный рост, но есть ощущение, что она, преодолевая встречный ветер, и сегодня в пути. Об этом говорит уже знакомый нам развевающийся шлейф шарфа за её спиной...

Мне посчастливилось знать Михаила Константиновича, я бывал в его мастерской. Он тогда работал над памятником «Морякам и создателям флота России». Я написал о его творчестве большой очерк «Лица и лики», опубликованный в газете «Литературная Россия» (1996 г.), а затем вошедший в авторскую книгу «Приговор» (1997). Много из того, о чём мы говорили, не попало в моё повествование. Я спросил у него тогда:

– Почему Ваша Вера Мухина без ног?

Неужели бронзы не хватило?

– А зачем ей, она ж не балерина? Для скульптора достаточно умных рук и ясной головы», – был ответ. Потом досказал: – Если бы в полный рост, памятник именно в этом месте выглядел бы слишком громоздко.

Летят годы, проходят века. Запечатлённые в бронзе, мраморе, граните остаются с нами близкие нам люди прошлого. Может быть, и нам нужно как-то постараться, чтобы не пропасть без вести и не покинуть живых? Кто-то скажет, мол, это трудно. Но никто не скажет, что невозможно, в особенности, если каждый из нас получит право отнести к себе величественные и вместе с тем простые слова доктора Замкова: «Для людей я сделал всё, что мог».

Литература:

Мухина Вера Игнатьевна // Большая советская энциклопедия (в 30 т.), 1969 г.

Н.В. Воронов. «Вера Мухина». – М. Изобразительное искусство, 1989 г.

Н.В. Воронов. «Рабочий и колхозница». – М. Московский рабочий» 1990 (Биография московского памятника»).

Санкт-Петербург, 2018 г.